

## Моя «Радуга»

*Марку Аркадьевичу Энтину, режиссеру театра «Радуга» при Доме учителя*

### Начало №1

Перед железнодорожной насыпью был овраг, и тащить дерево наверх стало тяжелее. Шура Федотов и Засолкин старались больше других. Марк, как ответственный за операцию, командовал: «Заноси вправо! Кальниченко, придурок, ты же тянешь в другую сторону! И прекрати читать свой дурацкий журнал!» Маленький Том, бывший в нормальной жизни художником, и вовсе ничего не тянул, а просто прицепился к одной из веток и отдыхал, попыхивая папиросой.

Первым наверх выполз Сережа Потимков и, как опытный разведчик, приложил ухо к рельсу. «Идет!» - выкрикнул он. Но мог бы и не кричать: приближавшийся состав было хорошо виден, до него оставалось не более 200 метров.

«Живей, ребята! Поднажали! Совсем немного осталось!» - заволновался Марк. Том забычковал папиросу и соскочил с ветки, чтобы хоть как-то помочь товарищам. Саша Кальниченко перестал тянуть дерево вниз, и дело пошло быстрее. Однако перед самым железнодорожным полотном дерево за что-то зацепилось. Паровоз отчаянно загудел. Марк сам бросился к дереву и подхватил начавшего сползать Кальниченко. «А ну-ка взялись!» - закричал он.

Дерево уже почти на рельсах. До непрерывно гудящего паровоза остаются считанные метры. Еще несколько секунд – и состав пойдет под откос. Последний рывок – и вся группа скатывается вниз на другой стороне насыпи. Задача выполнена. «А где Саша Кальниченко?» - спрашивает наблюдательный художник Том. «Эх», - вздыхает Шура Федотов и снимает с головы шапку. Из леса слышатся крики и лай собак. «Засолкин, гранат сюда!» - выкрикивает Марк...

Звучит тревожная музыка. Камера перемещается на колышущиеся кроны деревьев. Появляется надпись: «Шумел сурово брянский лес». Крупным планом – героический профиль Марка с могучим лбом, едва помещающимся в кадр.

Да, эту историю можно было бы начать как партизанский триллер. Потому что паровоз и дерево были реальными. К счастью, они не встретились. Паровоз принадлежал Харьковской детской железной дороге и вез пионеров. Им действительно угрожала опасность, но дерево успели перетащить через пути вовремя. Саша Кальниченко – мой университетский дружок, читавший все, что попадало ему под руку – остался на той стороне: не дополз по причине своей общей медлительности. И граната у Засолкина не было: в лучшем случае у него было яблоко. Ведь была осень...

Собственно, и меня самого там не было. Просто я столько раз слышал эту историю, что мне стало казаться, что я принимал в ней участие. Это – весьма распространенное явление: человек слышал о каких-то событиях, или находился рядом с ними, но проходят годы – и ему кажется, что он в них был действующим лицом.

Странная штука – человеческая память. Я попытаюсь обойти ее уловки, но если что – не судите строго. И вспоминать я буду только то, что помню...

Но дерево таки было. По оригинальному замыслу режиссера – Марка Аркадьевича Энтина - ему предстояло сыграть главную роль в спектакле «Жили-были берендеи» по пьесе Островского «Снегурочка». Остальными актерами были мы – участники самодеятельного

театра «Радуга», объединившего в стенах Харьковского Дома учителя представителей всего спектра городского общества - студентов, рабочих, инженеров, музыкантов, композиторов... (в порыве современной политической корректности хотел добавить: гомосексуалистов, лесбиянок и транссексуалов, но удержался. Чего не помню – того не пишу).

## Начало №2

Из донесения в Управление КГБ СССР по Харьковской области:

«Театр «Радуга» представляет собой сборище неудачников, которые ничего не смогли добиться в своей жизни и профессии и решили реализовать свои амбиции на сцене. Большая часть труппы во главе с режиссером – евреи, пытающиеся в своем творчестве критиковать нашу советскую действительность. Иногда это «творчество» становится опасным для нашего общества, в первую очередь - детей (ранее я докладывал об инциденте с деревом на Детской железной дороге, в результате которого могли пострадать – если не погибнуть – ехавшие на поезде пионеры). Некоторые личности – особенно Семен Федоровский – имеют сомнительные моральные качества. Так, вчера в сквере у «пулемета»<sup>1</sup> все собрались после репетиции, чтобы покурить и обсудить вылазку в Фигуровку. Время от времени Сеня орал своим утробным голосом: «Так, девки, только уговор: сразу как приедем – трахаться. Чтоб никакого там вытья у костров, никаких «милая моя, солнышко лесное», сразу – в койку и трахаться!» Все смеялись, и никто из «актрис» не возражал».

Тоже неплохое начало для рассказа о самодеятельном театре, в котором ставились спектакли, мгновенно становившиеся сенсацией в нашем городе. Однако я не думаю, что среди нас был сексот. Писать в КГБ не имело особого смысла: достаточно было посмотреть на режиссера театра – Марка Аркадьевича Энтина. Достаточно было посмотреть на его голову. Именно в ней все брало свое начало.

Голова была огромных размеров. В ней легко бы могли разместиться несколько черепов с университетской кафедры научного коммунизма. Сразу было видно, что в такой голове были возможны всякие мысли, в том числе и «иные». Во всяком случае, замыслы в ней рождались неординарные. Одним из них было дерево в спектакле «Жили-были берендеи».

## Берендеи

Дерево распилили на пни. Все декорации - деревенские избы, заборы, стулья, кровати, деревья – составлялись из этих пней. В конце спектакля пни играли самих себя: по ним на болоте прыгала Снегурочка (Наташа Ивлева, ныне Кальниченко), преследуемая нелюбимым женихом по имени Мизгирь. Это была очень эффектная сцена: Наташа, вся в белом, как испуганная птица - подранок, перепархивала с пня на пень. На ее лице был неподдельный страх: она боялась приземлиться, не долетев до очередного пня, и сломать ногу. Отбрасывая на задник тень своего хищного профиля, за ней неумолимо прыгал Мизгирь.

Для тех, кто давно хотел прочитать «Снегурочку» Николая Островского, я мог бы вкратце изложить сюжет, если бы я его помнил. Кажется, был какой-то народ берендеев, живший в условиях тоталитарного режима. Ими управлял царь-самодур, которого у нас играл Сеня Федоровский. Сеню я забыть не смог, потому что он все время ревел, как раненый лев (опять же царь зверей): у него было эстрадное прошлое, не прошедшее даром. У него и – соответственно – его жены-царицы (Вали Мишиной) была дочь Снегурочка, которую – по неизвестным ныне причинам – они отдали на воспитание (перевоспитание?) приемным

---

<sup>1</sup> Центральная автомат-закусочная г. Харькова

родителям – деду с бабкой, проживавшим в деревне. Дед с бабкой очень радовались Снегурочке, так как своих детей у них не было. А чтобы пояснить зрителю, почему Бог не дал им детей, Марк поставил на роль деда Юру Ганцевича, а на роль бабки – Толю Дергачева.

Снегурочка влюбляется в Леля – деревенского пастуха с сопилкой. Но Лель любит только веселиться и прыгать с подружками через костер. Снегурочке тоже хочется прыгать, но приемные родители раскрывают ей страшную тайну: она сделана из снега и незамедлительно растает. В это время к царю берендеев приезжает свататься заморский богатый жених Мизгирь. Царь вспоминает про Снегурочку и приказывает ей выходить замуж. Снегурочка убегает на болото, где и происходит преследование «через пень-колоду». Возможно, Мизгирь тонет в трясине (но я не уверен). Не зная про это, царь продолжает настаивать на женитьбе, а Снегурочка – не повиноваться. Вконец отчаявшись, Снегурочка бросает последний посильный вызов произволу: прыгает с подружками через костер, после чего подружки не могут ее найти.

Кульминация: царю берендеев слуги готовятся мыть ноги. Босой Сеня сидит на троне, сделанном из пней, и ревет без видимых на то причин. Слуги вносят два оцинкованных ведра: по ведру на каждую ногу. Сеня погружает в них свои ноги. На одном ведре написано: «Сне», на другом – «гур», на третьем – «очка».<sup>2</sup> Занавес.

Фурор был полный. Публика не знала, что ей делать: пребывать в состоянии шока или испытывать чувство восторга. Одно было ясно: спектакль поражал своей необычностью. В городе появился театр, о котором можно было говорить. Общественности – пусть узкой по масштабам, но не по интеллекту (спектакли посещали, в основном, родственники и друзья членов труппы) – стал известен не только Юлий Энтин, но и его не менее талантливый тезка – Марк.

(Здесь оговорюсь: думаю, что на спектакли в Дом учителя, помимо друзей и родственников, по причине удобной близости приходили и работники расположенного напротив на ул. Совнаркомовской «Дома надзирателя». Но точно я не знаю.)

Что могло объяснить успех спектакля? Только лишь оригинальность формы - пни? Конечно, нет. Я думаю, что режиссерский талант Марка Аркадьевича заключался в том, что за пнями он хорошо видел нас, со всеми нашими достоинствами и недостатками. И делал так, чтобы наши достоинства, какими бы убогими они не были, были видны в спектакле, а недостатки – нет. Так, у Саши Кальниченко хорошо получалось лежать, и Саше - размалеванному, в лохмотьях - поручено было лежать в проходе зрительного зала перед спектаклем, когда разыгрывалось веселое буйство скоморохов, которое должно было подготовить зрителей к предстоящему действию. А Засолкин любил держать что-нибудь в руках – и Марк много чего поручал ему держать в ходе спектакля: то секиру, то ведро, то опахало.

Увидев в Наташе Ивлевой влюбленность (опять же – как мне кажется) в Сережу Потимкова, Марк сделал из Наташи Снегурочку, а из Сережи – Леля, и ее сердечные переживания на сцене получилось очень естественными. И еще Марк умел – если это не вредило его главному замыслу и быстрому перемещению пней при смене декораций – не вмешиваться излишне в игру актеров. Подметив в Потимкове склонность к критическому осмыслению действительности и внутренним сомнениям (тогда Сережа много думал, кем бы ему стать: поэтом или депутатом Верховной рады двух созывов?<sup>3</sup>), Марк сделал его думающим, покусывающим ногти деревенским Гамлетом вместо того, чтобы заставлять его

---

<sup>2</sup> Да, я отдаю себе отчет в том, что вначале я упомянул два ведра. Но память играет с человеком злые, порой сомнительные, шутки. Я знаю, что ведер должно было быть два, но вспоминаются три. Глупо, конечно. Да и что мог бы Сеня мыть в третьем ведре?

<sup>3</sup> Впоследствии он стал и тем, и другим

быть сельским идиотом, прыгающим через костер в состоянии перманентной эрекции. А в благодарность за естественность игры он позволял Сереже делать то, что тот считал для себя главным в этом спектакле: эффектно спускаться по веревке с потолка во время скоморошьей сцены.

У возможного читателя – что вряд ли возможно – может возникнуть законный вопрос: а что же делал я в спектакле «Жили-были берендеи»? Даю столь же законный ответ: ничего. Я не участвовал в спектакле. Почему – не помню. Пришел я в «Радугу» вместе с остальными «лошадьми» - участниками университетского студенческого тетра, в котором – под руководством Гарри Лазаревича Керцера – мы играли в спектакле «Лошадь Пржевальского» по пьесе Шатрова (купи и смотри книгу Керцера Г.Л. «Жизнь человеческого духа»). «Лошадь» – после нескольких успешных забегов на университетской сцене – была остановлена на полном скаку Художественным советом безопасности движения (или каким-то схожим по названию органом), а стреноженный Керцер был отправлен на инженерные работы на свой родной завод. Но мы сами – не разбежались: почти всем своим стадом мы перекочевали в другой дом, где мы нашли себе нового учителя.

Что же побудило меня почти сразу уйти оттуда? Не мог же я испугаться разминок в виде балетных станков, которые вела ветеран «Радуги» Саша Левченко. Она не могла обескуражить меня своими французскими командами типа «demi-plie», «ronds de jambe par terre» или «battements tendus». Как студент (по-моему, я был круглым отличником) переводческого отделения факультета иностранных языков, я знал, что эти фразы означают всего лишь «полуприседание», «круги ногой по полу» и ... «батман тандю». Но, правда, мышцы болели.

Может, я ушел потому, что некоторые мои университетские дружки – Саша Гусак и Витя Евменов – не захотели быть в Радуге? Вполне возможно, что в ту осень меня в очередной раз выгнали из общежития, и мне было не до игры в театре. А, может, потому что мне Марк предложил не главную роль Леля, а роль Мизгиря, и я побоялся упасть, прыгая по пням? Правда, не помню. Но я и не ушел совсем: часто ходил на репетиции, ездил на вылазки в Фигуровку, участвовал в капустниках (см. книгу Сергея Потимкова «Профессия: Потимков»). И вскоре я пожалел, что не остался.

## Бумбараш

Именно поэтому – а, может, еще и потому, что Марк предложил мне главную роль – я и согласился - с превеликой радостью – играть в «Бумбараше». Да я и не мог не согласиться: Бумбараш был мой родной, страшно деревенский, как и я (опять же – талант Марка ставить человека на свое место). Я просто не мог позволить делать этот спектакль без меня. Например, одного из крестьян (чуть ли не моего брата) играл человек по фамилии Ниссенбаум. Стоило ему выйти на сцену – и он начинал ходить на прямых ногах. Такая у него была особенность. В жизни ходил нормально, а на сцене – колени больше не сгибались. И никто – даже Марк – ничего не говорил. Может быть, все думали, что так и ходят люди в деревне? Я должен был как-то скомпенсировать Ниссенбаума.

Ну, и плетни меня подкупили. Они пришли на смену шатким березовым пням Островского. Плетни очень походили на деревянные щиты, которые служили – в различных комбинациях – всеми декорациями в вышеупомянутой «Лошади Пржевальского». И в «Бумбараше» что только не делалось из плетней: заборы (ну, это понятно), сарай-сеновал, где я встречаюсь с любимой Варварой (Наташей Ивлевой и Ирой Макаровой - поочередно) и

стараюсь дотянуться до яблока над крышей (попытка безрезультатная, как и сама встреча), и воздушный шар, с которого я должен был вывести расположение вражеского немца, и даже болото, в котором я чуть не утонул, после того, как немцы меня подбили.

Помимо плетней, которые ограждали целостность спектакля, важная роль отводилась яблокам. Мне очень хочется достать хотя бы до одного из них, но никак не получается. Наконец счастье близко: ко мне приходит Варвара и в подоле приносит много яблок. Но за нею бежит ее нелюбимый муж, атаман банды Гаврила с револьвером в руке. Он ревет страшным голосом (не трудно догадаться, что роль досталась Сене Федоровскому): «Варвара! Варвара!» Вот-вот - и Варвара с яблоками станут моими. Раздается выстрел. Варвара медленно опускается на землю, предварительно присев на скамейку. Из подола одно за другим выпадают яблоки и рассыпаются по скамейке, а затем по сцене. Бумбараш и Гаврила замирают. Варвара умирает. Яблоки скатываются в зрительный зал. Занавес.

После спектакля яблоки съедались. Сеня съедал больше всех. К следующему спектаклю надо опять было купить яблок. Это не так было просто сделать в те времена в докапиталистическом Харькове, особенно зимой и весной. Поэтому поручение купить яблок давалось всем. И кому-нибудь из нас – то ли на Павловом поле, то ли на Салтовке, то ли на ХТЗ – удавалось их купить к началу спектакля. Но все-таки наступил тот день, когда яблоки кончились во всем городе. Оставался один выход – купить консервированные в 3-литровой банке. С виду они были вовсе даже ничего и смогли бы сойти за антоновские. Мы уповали на лучшее. Увы, надежды не сбылись.

Как обычно, после рокового выстрела Наташа Ивлева стала медленно опускаться и одновременно опускать подол. Яблоки выпадали как авиационные бомбы из тяжелого бомбардировщика и грузно плюхались на сцену. Расплющенные как лепешки, они никуда не катились, а застывали там, где падали. Мы замерли в оцепенении. Бедная Наташа следила за каждым падением широко раскрытыми от ужаса глазами, забыв о собственной предсмертной агонии. (Мне в этот момент вспомнился анекдот, концовка которого в сложившейся ситуации звучала бы так: "ну что, жопа, сходила за яблоками?") Одно прилипшее к скамье яблоко Наташа с нескрываемым омерзением спихивает на пол указательным пальцем (какие детали иногда запоминаются!) Эффект получился неоднозначный. «Придурки!» - кричал после спектакля Марк, но смеялся вместе с нами. Яблоки мы съели.

Бумбараша хорошо знают в исполнении Золотухина. С присущей мне ложной скромностью скажу, что я играл так же хорошо, как и он, только песни пел лучше. (Самооценка, возможно, завышена, но – опять же – я пишу по памяти). Некоторые из этих песен на слуху у всех: «Наплевать, наплевать, надоело воевать», «Ходят кони». Золотухин, собственно, их и не пел, а кричал – явление в деревне действительно распространенное, но не обязательное. У нас для крика был Сеня, и он со своей сверхзадачей справлялся на 120%.

Марк, безусловно, учел мои незаурядные музыкальные данные: помимо вокала, я обладал способностью играть на гитаре и балалайке. Использовать их должным образом помог Толя Дергачев. Мы звали его Тошей, несмотря на то, что он был одним из представителей старшего поколения в Радуге. Мы уже помним его вместе с вами по «Берендеям» (см. выше), где – благодаря своему богатому жизненному опыту – он сыграл жену Юры Ганцевича. Тоша тогда уже был сложившимся композитором, и роль его в музыкальном оформлении спектакля была неоценимой. Он грамотно подобрал для меня на балалайке песню «Наплевать, наплевать...», научил играть на валторнах отряд красноармейцев.

Афишу нарисовал Том. Бумбараш был изображен на ней бегущим. И он действительно постоянно бегал (знал ли мудрый Марк Аркадьевич, что в 8 – м классе я хотел записаться в секцию легкой атлетики? Вряд ли. На Совнаркомовской знали. А Марк мог только догадываться). Итак, Бумбараш – как выразился один из персонажей фильма

«Осенний марафон» - «бегал и убегал». Он бежал к своему счастью – Варваре («для своей для милушки чуть-чуть оставлю силушки»), убегал от разнообразных темных сил («белые, зеленые, золотопогонные»), которые непременно хотели убить его.

В начале меня уносит на воздушном шаре на позиции немцев. «Погиб посредством воздушного шара» - диктует похоронку царский офицер, пославший меня в разведку. (Офицера играл Саша (можно Шура) Федотов – красавец с аккуратными усами и военной выправкой.) Я чудом остаюсь жив, но тут же попадаю в болото, где опять чуть не погибаю. Возвращаюсь в родную деревню, но похоронка уже возымела действие: мою хату занял брат (Ниссенбаум) с женой (Валей Мишиной, «в свете» бывшей библиотекарем). Думая, что перед ним привидение (а, может, удивляясь тому, что я – его родной брат), Ниссенбаум с криком ужаса делает несколько «кругов на полу» на нестигаемых ногах. Я бегу к Варваре – но она с атаманом Гаврилой (Сеней Федоровским). Мне становится обидно и я, подобно многим обманутым ветеранам войны, пою песню «А вот я на фронте был». Тайком я вижусь с Варварой. Она отлучается от атамана всего лишь на несколько секунд, но тот уже ищет ее, ревет: «Варвара! Варвара!» (Сеня, кстати, был бы идеален для персонажей, ищущих кого-либо. Например, для роли Хлопуши: «Я хочу видеть этого человека!» Отлично бы вышел у него «Человек с ружьем»: он бы ходил по Смольному, размахивая чайником, и ревел: «Ленин! Ленин!»).

«Беги, Бумбарашка! Убьет тебя Гаврила!» - шепчет Наташа. В потемках Сеня ставит мне фингал. Я убегаю прямо в зрительный зал. Гаврила стреляет вдогонку. Я прячусь между рядами, нечаянно задевая рукой колени моих молодых поклонниц (на что только не способна человеческая память). It was so much fun<sup>4</sup>, как любят говорить американцы.

Я прячусь на сеновале, куда приходит Варвара. Сцена с яблоком. Наташа уговаривает меня бежать. Я убегаю.

По дороге – неизвестно куда – я встречаю красного комиссара. Это один из немногих персонажей, который не хочет меня убить. Мы становимся друзьями и в знак дружбы меняемся шинелями. К сожалению, в комиссарской шинели остается именной кисет, который находят красные и приговаривают меня к расстрелу. Но я сбиваю часового с ног и опять убегаю. (Часового играл маленький Том. Я сбивал его ударом головы в корпус. Сцена была непростая: нужно было рассчитать удар так, чтобы Том не улетал слишком далеко.)

Комиссара играло несколько человек, в том числе и мой друг Сережа Потимков (смотри «Берендеев»), дружба с которым получалась на сцене вполне естественной. Один из исполнителей был для меня человек действительно новый – студент архитектурного факультета ХИСИ Сергей Чечельницкий. С ним я подружился буквально на сцене. Теперь он – главный архитектор города, а – главное - один из главных моих друзей. (Кстати, надо ему звякнуть).

Бумбараш – индивидуалист, не желающий осознавать исторического момента. Для него Варвара – важнее войны с немцами, важнее даже Великой Октябрьской Социалистической Революции и уж, конечно, важнее брата Ниссенбаума. К тому же он видит, к чему приводит активная общественная позиция: его друга-революционера Яшку живьем закапывают в землю бандиты. (Заманивает его в западню приветливый и хлебосольный старичок, которого играл Юра Ганцевич. А столь экстремальную меру наказания назначает Яшке бандитская атаманша, якобы бывшая аристократка, которую поочередно играли Саша (она же Шура) Левченко и Зоя Лапчинская. Кстати, с атаманшей была интересная сцена, в которой она принимала ванну за небольшим плетнем. Те, кто наблюдали купание из зрительного зала, были уверены, что Шура и Зоя играли эту сцену

---

<sup>4</sup> Это было так здорово

обнаженными. Должен их разочаровать: они были жертвами оптического обмана. Собственно, я и сам был разочарован.)

Спасибо Марку Аркадьевичу: он не разлучил меня на сцене с моим закадычным дружкой Сашей Кальниченко, который играл Яшку. Я был очень рад его увидеть после встречи с Ниссенбаумом и Гаврилой, и мне было очень жалко, когда его закапывали.

Между прочим, Сашу действительно закопали, только уже не в Бумбараше, а чуть позже на нашем родном инязе, сделав его невыездным. Злосчастный инцидент, ставший причиной этому, был уже описан мною (по-моему) – смотри (купив) книгу Г.Л. Керцера «Жизнь человеческого духа» (видите, я стараюсь, Гарри Лазаревич). Лишь напомним: Саша имел несчастье заявить на политчase, посвященном дню рождения Ленина, что Троцкий как мастер слова был не менее, а то и более талантлив, чем Владимир Ильич. Скажи он это на политчase, посвященном дню рождения Троцкого – может, и не было бы столь печального исхода.

Безусловно, Марк видел эту роковую наивную принципиальность Саши и, возможно, предчувствовал, к чему она приведет. Возможно, что он догадывался о том, что я не люблю историю партии и бегаю с лекций по научному коммунизму. По крайней мере, он видел, что я постоянно бегаю в поиске пристанища.

Часто я находил его у того самого приветливого и хлебосольного Юры Ганцевича. Он жил в центре, недалеко от главной архитектурной достопримечательности нашего города – здания Госпрома, в коммунальной квартире, где у него была комната. Чтобы не будоражить соседей ночными звонками, я залазил в Юрину комнату (она была на первом этаже, не будем нагнетать драматизм) через окно. Юра никогда не возражал. Сам он спал на какой-то утлой кушетке, а я располагался на полу под столом. Юра работал в каком-то НИИ. Он, конечно, не был старичком, но из жизни ушел очень рано.

Еще я ночевал на Москалевке у Сережи Чечельницкого. Он жил тогда с родителями в частном доме. На стенах его комнаты висели его картины. Была также собака – тибетский терьер, которая ревновала Сережу к его девушкам (он был как я – красивый и рыжий). На столе среди кистей, карандашей и рейсфедеров красовались человеческий череп и револьвер «бульдог». Дом окружал сад. В саду лежала штанга, которую я до сих пор хочу поднять.

Почему я пишу об этом: о Троцком, Юрином столе, черепе Чечельницкого, коленях Ниссенбаума, усах Саши Федотова? Ведь я должен рассказывать о «Радуге», о доме Учителя, а не о Доме учителя. Мы иногда приходили к нему в дом. Он всегда был рад нам и ради нас оставлял важные, наверное, дела: на столе были исписанные страницы - его пьесы и проза. Вот почему бы мне не об этом побольше? Что, я не могу вспомнить, как проходили репетиции? Да. То есть – нет. Не могу. Я помню настроение, я помню, что было очень-очень весело. Я помню радость встречи, но не саму встречу. Я помню, как мы смеялись, но забыл – почему.

Я помню мелодию, но забыл слова.

Для меня «Радуга» – это когда мы собираемся после репетиций в скверике возле «пулемета», курим и смеемся; когда мы нестройной толпой идем вдоль Донца со станции в лагерь политеха в Фигуровке и смеемся; когда разыгрываем наши капустники и ржем до посинения.

«Радуга» – это мои друзья, которые остались со мной на всю жизнь: вечно опаздывающая на наши пирушки Наташа; глубокомысленно пожевывающий спичку Сережа Потимков, бросающий во время спора: «Не в этом главное» и вновь умолкающий; произносящий неожиданные фразы медлительный Саша Кальниченко; дисциплинированный и строго требующий от нас знания слов всех «наших» песен Саша Федотов; никогда не унывающий и не дающий унывать другим Сергей Чечельницкий. С нами произошли соответствующие естественные изменения, а также изменения в гражданском состоянии

(Наташа вышла замуж за Сашу Кальниченко. Как шутил Потимков: «Наташа у нас Сашина, а Валя - Мишина»). Мы выступали в жизни в различных ипостасях: мы были переводчиками, преподавателями, архитекторами, инженерами, журналистами... Но как бы сказал тот же Потимков: «Не в этом главное». Друг для друга мы остались все теми же, молодыми и веселыми. Такими мы и собираемся по сей день.

Марк Аркадьевич был хорошим учителем. Он «увидел» нас и дал нам роли, которые уже были нашими. Он учил нас, не мешая нам играть.

В какой-то степени он и «предвидел» нас. Во всяком случае, меня. После Бумбаша я не сумел остановить свой бег. «Где я только не был, чего я не отведал». Трудно вспомнить все города и страны, в которых я побывал. Легче перечислить континенты, на которых я не еще был. Их осталось два. В итоге «бегства» я оказался в Нью-Йорке, но, наверное, скоро сбегу и отсюда.

Беги, Бумбашка...

Однажды после спектакля мы позировали для коллективных фотографий: на одной мы должны были быть грустными, а на второй - веселыми. У меня сохранилась только «веселая».

5 апреля 2009г., Нью-Йорк

P.S. Каюсь: пьесу «Снегурочка» написал, конечно, не Николай, а Александр Островский. Надо отдать старику должное.

P.P.S. Я забыл объяснить, почему Наташа всегда опаздывает на наши встречи: она очень занята исполнением одной важной и трудной роли, которую она сама на себя взяла и которая занимает у нее уйму времени. Наташа – хранитель «нашей» Радуги. Она хранит все наши фотографии, наши магнитофонные записи и наше письменное и устное творчество. Это нам все было – хихоньки да хаханьки, а для нее – очень серьезно. Она растворилась в Радуге. Вернее, растаяла.

P.P.P.S На днях, а вернее ночью, мне приснилась Ира Макарова, которая со слезами обиды на глазах стала упрекать меня в том, что я все перепутал, что яблоки были не консервированные, а моченые, и что сцену с ними играла она, а не Наташа. В ответ на мои попытки оправдаться она улыбнулась, достала из подола яблоко и сказала: "На, бери!" Я потянулся за яблоком, но достать не смог. Тогда Ира засмеялась и запустила в меня этим яблоком с криком: «Это тебе за Островского!»